

Главлит и научно-популярная публицистика в СССР во второй половине 1960-х — начале 1970-х гг.

Владимир Комиссаров

Glavlit and popular science journalism in the Soviet Union in the second half of the 1960s and beginning of 1970s

Vladimir Komissarov

(D.K. Belyayev Ivanovo State Agricultural Academy, Russia)

DOI: 10.31857/S086956870001590-0

В 1960–1970-х гг. система советской цензуры достигла своего максимального развития. Центральному цензурному ведомству — Главному управлению по охране государственных тайн в печати при Совете министров СССР (Главлит СССР)¹ — подчинялась широкая сеть подведомственных структур: главлиты союзных республик, краевые и областные управления (край- и облиты). Имелись и смежные цензурные органы — Управление военной цензуры Генерального штаба Вооружённых сил СССР, цензоры пограничных войск и др. В Советском Союзе в данную систему были вовлечены самые разные учреждения и ведомства. Эту особенность неоднократно отмечали исследователи. Например, Т.М. Горяева писала: «Попытки ограничить понятие “советской цензуры” только деятельностью государственных учреждений, призванных для этих целей без учёта изощрённых форм и методов различного рода воздействия и давления, мало плодотворны. В определении границ “советской цензуры” большую роль сыграло получившее широкое распространение определение Марианны Текс Чолдин — “всецензура”»².

Практически все изыскания и публикации архивных материалов по теме касались преимущественно политической цензуры. Как правило, примерами такого контроля служили эпизоды преследования известных общественных деятелей или представителей художественной интеллигенции, а также идеологические кампании³. Но активность контролирующих органов не ограничивалась только политико-идеологическими вопросами. Заметное место занимала защита государственной тайны в сфере научно-популярной публицистики.

В 1960–1970-х гг. эта сфера стала заметным явлением в жизни страны. В данном направлении работала блестящая плеяда писателей и журналистов. Большинство центральных издательств — от «Воениздата» до «Детской литературы» — обзавелись научно-популярными книжными сериями. Научно-популярная публицистика реализовывалась также в кинематографе, где работали

© 2018 г. В.В. Комиссаров

¹ В рассматриваемый период ведомство имело различные наименования: до 1963 г. — Главное управление по охране военных и государственных тайн в печати (Главлит) при Совете министров СССР; до 1966 г. — Главное управление по охране государственных и военных тайн в печати Государственного комитета Совета министров СССР по печати; до 1990 г. — Главное управление по охране государственных тайн в печати при Совете министров СССР (Главлит СССР).

² *Горяева Т.М.* Проблемы публикации документов по истории советской политической цензуры // Проблемы публикации документов по истории России XX века. Материалы Всероссийской научно-практической конференции научных и архивных работников. М., 2001. С. 115.

³ См., например: *Горяева Т.М.* Политическая цензура в СССР. 1917–1991 гг. М., 2009; *Цензура в Советском Союзе. 1917–1991. Документы / Сост. А.В. Блюм.* М., 2004; *История советской политической цензуры. Документы и комментарии.* М., 1997.

такие режиссеры-документалисты, как С.Л. Райтбург, Ф.М. Соболев, Б.А. Загряжский, а на телевидении она была представлена в телепроектах «Очевидное-невероятное», «Клуб кинопутешествий» и «В мире животных». Научно-популярная публицистика стала таким же важным элементом в духовной жизни советской интеллигенции изучаемого периода, как авторская песня, научная фантастика, походный туризм, самиздат и проч.

Цель настоящей статьи — рассмотреть политику Главлита в отношении научно-популярной и научно-технической публицистики. Для этого необходимо охарактеризовать особенности организации цензуры научно-популярной публицистики, проанализировать наиболее типичную мотивацию запретов и ограничений в научно-технической цензуре и представить её приёмы на примере контроля научно-популярных публикаций по космической тематике.

Источниковой базой исследования в основном послужили материалы фонда Главлита ГА РФ. Это не единственное место хранения документов советской цензуры, но именно здесь представлено наиболее систематизированное их собрание в виде делопроизводственных материалов, нормативных актов (указаний и распоряжений центральных советских органов), внутренних положений и инструкций самого цензурного ведомства, стенограмм и протоколов заседаний коллегии Главлита, его деловой переписки с различными министерствами и ведомствами. В большинстве случаев это хорошо атрибутированные машинописные оригиналы и копии. Количество рукописных документов, при чтении которых могут возникнуть проблемы в понимании содержания, крайне невелико. Сложность состоит в том, что часть данного фонда по-прежнему находится на секретном хранении, впрочем, доступные материалы всё же позволяют решать исследовательские задачи. Конечно, эти источники не лишены характерных для делопроизводственной документации недостатков, включая фактические и орфографические ошибки (так, начальник ленинградского обллита Ю.М. Арсеньев ошибочно представлен как Арсентьев). По причине закрытого характера работа Главлита практически не отражена в источниках личного происхождения. О ведомстве писали деятели науки и культуры, которые испытывали цензурный прессинг, но и те, как правило, контактировали с цензорами только через издательства и редакции. Воспоминания опубликовал лишь заместитель начальника Главлита (конец 1980-х гг.) В.В. Прибытков, работавший на «излёт» истории ведомства⁴.

В период «оттепели» в работе Главлита прослеживались определённые либеральные тенденции. Например, в начале 1960-х гг. комиссия по контролю книжных фондов больше разрешала, нежели запрещала. Так, из спецхрана в общие фонды библиотек были возвращены издания репрессированных в период сталинизма авторов, или те, в которых упоминались «враги народа»⁵. Однако с середины 1960-х гг. вновь стали усиливаться охранительные черты цензуры. Этот процесс не был одномоментным и зависел от многих внешне- и внутриполитических обстоятельств. Особую роль сыграла консолидация консервативных сил в КПСС и правящих партиях восточноевропейских государств по сопротивлению «Пражской весне» (1968). Одним из этапов усиления цензурного контроля стал апрельский пленум ЦК КПСС 1968 г., принявший постановление «Об актуальных проблемах международного положения и борьбе КПСС за сплочённость мирового коммунистического движения». В документе отмечалась необходимость усиления партийного контроля над литературой и искусством⁶. Поворотным моментом, трансформировавшим стиль «постоттепель-

⁴ *Прибытков В.В.* Главлит и цензура: записки заместителя начальника Главного управления по охране государственных тайн в печати при Совете министров СССР. М., 2014.

⁵ См.: ГА РФ, ф. Р-9425, оп. 2, д. 394, 395, 416, 417, 464.

⁶ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд. 7. Т. 9. М., 1972. С. 421–424.

ной» цензуры, большинство исследователей называют закрытое постановление ЦК КПСС от 8 января 1969 г. «О повышении ответственности руководителей органов печати, радио, телевидения, кинематографии, учреждений культуры и искусства за идейно-политический уровень публикуемых материалов и репертуара». Так редакторы и издатели вовлекались в систему партийно-государственного контроля⁷.

Особенности организации цензурного контроля научно-популярной публицистики

Вопреки распространённому в публикациях мнению о ведущей роли органов Главлита в деле цензурирования научной публицистики, чаще всего они лишь выполняли указания высших партийных органов, что отражено в официальном делопроизводстве. Например, составители годового отчёта об исправлениях, внесённых центральным цензурным ведомством в документально-публицистический фильм «Если дорог тебе твой дом» (про оборону Москвы в 1941 г.), подчёркивали, что это было сделано по указанию ЦК КПСС⁸. Данная особенность подтверждается и в мемуарах Прибыткова: «Главлит лишь формально принадлежал к структуре правительства. На самом же деле его отношения с Советом министров, при котором он формально состоял, ограничивались вопросами финансирования и материально-технического обеспечения. Вся же политика и идеология цензорного дела, весь разрешительно-запретительный механизм цензуры регулировался, отлаживался, запускался, переключался, тормозился с одного пультя — со Старой площади»⁹.

Научная популяризация, с точки зрения цензурного контроля, отличалась тем, что стала предметом рассмотрения всех основных подразделений Главлита. К 1960-м гг. ведомство имело сложную структуру. В его основе находились несколько управлений: 1-е занималось научно-технической цензурой, 2-е — цензурированием иностранной литературы, 3-е — контролем за провинциальной печатью (совместно с край- и обллитами). Также имелось несколько самостоятельных отделов, не входивших в состав управлений, среди которых следует выделить 2-й отдел, контролировавший поступавшую в СССР иностранную прессу, и 3-й, занимавшийся СМИ. Политико-идеологический контроль являлся прерогативой 4-го отдела, который фактически организационно воплощал политическую цензуру. Ключевая нагрузка при контроле научно-популярной публицистики легла на 1-е управление (научно-техническая цензура), но популярные издания на общественно-исторические темы, беллетризованные биографии деятелей науки и техники оказывались в зоне внимания 4-го отдела. Если поступавшая из-за рубежа научно-популярная литература контролировалась 2-м управлением, то иностранные газеты и журналы — 2-м отделом. Такой сегмент «научпопа», как просветительская периодика, цензурировался сотрудниками 3-го отдела. Провинциальная же печать являлась объектом внимания 3-го управления центрального цензурного ведомства.

Решения о допуске в печать тех или иных научно-популярных публикаций принимались вместе с представителями заинтересованных ведомств. Фактически в каждой отрасли имелось головное учреждение, подписывавшее разрешения на опубликование материалов по своей тематике. Например, в ракетно-космической отрасли такое право принадлежало Центральному научно-исследовательскому институту машиностроения во главе с крупным организатором науки Ю.А. Мозжориным. В подобных учреждениях назначалось должностное лицо, отвечавшее за соответствующее визирование. В случаях, требовавших

⁷ ГА РФ, ф. Р-9425, оп. 1, д. 1372, л. 23.

⁸ Там же, д. 1268, л. 139.

⁹ Прибытков В.В. Главлит и цензура... С. 35.

оперативного освещения в прессе проблем по конкретной тематике, могли назначать отдельных ответственных лиц. Например, осенью 1970 г. Мозжорин уведомил руководство Главлита, что все материалы относительно советской автоматической станции «Луна-17» (доставила на поверхность Луны первый советский «Луноход») на время её полета должен был визировать инженер-ракетчик Г.А. Назаров (впоследствии журналист-популяризатор и ответственный секретарь отраслевой энциклопедии «Космонавтика» издания 1985 г.)¹⁰.

Следует отметить, что иногда ведомственная цензура приобретала комичные на сегодняшний взгляд формы. Так, «Перечень Главлита» (1965) содержал положение о том, что материалы, содержавшие информацию по использованию атомной энергии, должны были проходить визирование в Государственном комитете по использованию атомной энергии в СССР. В эту категорию попадали переводы иностранных источников и даже научно-фантастические произведения¹¹. Неизвестно, насколько данное положение способствовало защите государственных тайн, но оно заметно осложняло жизнь некоторым ведущим фантастам (в том числе братьям А.Н. и Б.Н. Стругацким)¹². Министерство среднего машиностроения предложило откорректировать это положение при подготовке нового (1968) «Перечня...», в том числе убрать из него упоминание переводов и научно-фантастических произведений.

Некоторые положения ведомственной цензуры вызвали недовольство сотрудников Главлита. 13 февраля 1968 г. на коллегии ведомства начальник одного из его отделов В.Я. Симанков заявил: «В перечне есть ряд ограничений, которые давно устарели, а организации, которые заинтересованы в них, препятствуют их устранению... Много идёт вмешательств по Отечественной войне. Немецкие полковники и генералы указывают, какие мы бомбили на оккупированной территории аэродромы, а мы эти сведения публиковать не можем»¹³.

Наличие множества ведомств, вовлечённых в систему научно-технической цензуры, приводило к неразберихе и путанице. Так, в начале 1970 г. в Кировском Дворце пионеров на технической выставке один из местных машиностроительных заводов выставил оригинальный экспонат — авиационное катапультное кресло с манекеном пилота в полной высотной экипировке. Появление катапультного кресла вызвало вопросы у представителей кировского обллита, так как в обязанности советской цензуры среди прочего входил допуск экспонатов на подобные открытые мероприятия. Сотрудник кировского УКГБ сообщил представителям местной цензуры, что экспонат разместили с оперативными целями, «для отвлечения внимания от реальной секретной продукции завода». Однако местный обллит соответствующим письмом уведомил Главное управление, которое, в свою очередь, обратилось за разъяснениями в центральный аппарат КГБ¹⁴. В итоге заместитель председателя КГБ В.М. Чебриков был вынужден в ответном письме ещё раз подтвердить, что данный экспонат демонстрировался в связи со служебной необходимостью, и заверил руководителей цензурного ведомства: впредь кировское УКГБ не будет нарушать порядок подготовки открытых научно-технических выставок¹⁵.

Часто ведомства дублировали собственные запреты и ограничения. Например, 9 января 1967 г. Министерство геологии СССР обратилось в Главлит с просьбой согласовывать все материалы по такому фундаментально-научному проекту, как бурение Кольской сверхглубокой скважины, закладка которой

¹⁰ ГА РФ, ф. Р-9425, оп. 1, д. 1373, л. 46.

¹¹ Там же, д. 1330, л. 193.

¹² Это обстоятельство отмечает один из биографов братьев-писателей А.В. Молчанов, пишущий под псевдонимом «Ант Скаландис». См.: *Скаландис Ант. Братья Стругацкие*. М., 2008. С. 242–243.

¹³ ГА РФ, ф. Р-9425, оп. 1, д. 1286, л. 46.

¹⁴ Там же, д. 1365, л. 5.

¹⁵ Там же, л. 9.

планировалась в 1970 г. Поводом стало появление в печати недостоверных сведений¹⁶, в связи с чем Главлит принял соответствующие меры. 12 ноября 1973 г. министр геологии СССР А.В. Сидоренко вернулся к проблеме освещения в печати работ на Кольской сверхглубокой и издал приказ № 54с, по которому любая информация, касавшаяся скважины в диапазоне глубин более 5 км и технологии бурения, считалась секретной. Об этом уведомили и Главлит¹⁷. В ответ ведомство напомнило вышеназванному министерству, что данный запрет действовал ещё с 1967 г.¹⁸

Следует возразить «перестроечным» публицистам, заявлявшим, что цензурные запреты и ограничения спускались исключительно сверху, со стороны Главлита или вышестоящих директивных (партийных) органов. По крайней мере, в случае с научно-популярной публицистикой наблюдалась иная картина. Например, 7 августа 1968 г. Главлит направил председателю общества «Знание» академику И.И. Артоболовскому письмо, в котором цензурное ведомство упрекало популяризаторов науки в злоупотреблении грифом «для служебного пользования» («дсп»). Данный способ защиты информации использовался в обществе для изданий, которые, по мнению Главлита, не содержали никаких сведений, запрещённых к открытому распространению. Среди них оказались брошюры на такие «секретные темы», как «Карл Маркс – основоположник научного коммунизма», «Учение К. Маркса об исторической миссии пролетариата и современный рабочий класс», «Карл Маркс о революционной партии пролетариата» и др.¹⁹ Причины таких злоупотреблений вполне объяснимы: в тот период издания с грифом «дсп» печатались без предварительного цензурского контроля. Тем самым «Знание» гарантировало выполнение собственного редакционного плана, так как полностью открытые издания Главлит мог и приостановить. Кроме того, брошюры с грифом «дсп» распространялись бесплатно, и авторы не рисковали своей репутацией, когда их книги оказались бы невостребованными на полках магазинов (судя по названиям, они вряд ли стали бы бестселлерами). В завершении письма Главлит просил принять меры и навести порядок в использовании грифа «дсп».

Сам факт вовлечения в систему цензуры того или иного ведомства придавал им особый вес. Поэтому учреждения и организации оберегали свою привилегию визирования материалов для открытой печати. Например, в № 11 популярного журнала «Вокруг света» за 1967 г. была опубликована статья, посвящённая проблеме космической медицины²⁰. Поскольку этот номер стал юбилейным (совпал с пышным празднованием 50-летия Октябрьской революции), то все его материалы оказались в центре пристального внимания политико-идеологической цензуры. Но 25 января 1968 г. в Главлите получили официальное письмо Министерства здравоохранения СССР с напоминанием, что ещё 13 мая 1964 г. Военно-промышленная комиссия при Совете министров СССР возложила на Межведомственную комиссию по проблемам медико-биологического обеспечения космических полётов при Минздраве СССР право визировать материалы данной тематики. Поводом к такому обращению послужила упомянутая статья в журнале «Вокруг света» и публикация на ту же тему в газете «Вечерняя Москва», где, по мнению авторов письма Минздрова, содержались недостоверные материалы²¹. Из текста журнальной статьи не понятно, какая именно информация вызвала недовольство специалистов по космической ме-

¹⁶ Там же, д. 1300, л. 143.

¹⁷ Там же, д. 1464, л. 59.

¹⁸ Там же, л. 60.

¹⁹ Там же, д. 1300, л. 182–183.

²⁰ *Харьковский А.* Сквозь невесомость, радиацию, неизвестность // Вокруг света. 1967. № 11. С. 25–27.

²¹ ГА РФ, ф. Р-9425, оп. 1, д. 1300, л. 103.

дицине. Нельзя исключать, что это был всего лишь способ напомнить о своей привилегии визировать открытые публикации.

Столь сложный (многоуровневый) характер научно-технической цензуры затягивал прохождение материалов, что вызывало понятное недовольство советских издательств и научно-популярных изданий. Так, в апреле 1968 г. редакции ведущих просветительских журналов «Техника–молодёжи» и «Наука и жизнь» обратились в Главлит с просьбой сократить сроки рассмотрения своих статей до двух дней. На совещании руководства центрального цензурного ведомства прозвучал жёсткий и непреклонный ответ его начальника П.К. Романова: сроки рассмотрения будут определяться только Главлитом и зависеть исключительно от сложности материала²².

Большую роль в советской цензуре играли «оперативные указания руководства по вопросам цензурского контроля». Они содержали запреты или ограничения, которые по каким-либо причинам не были включены в действующую редакцию «Перечня Главлита». Необходимость в «оперативных указаниях» определялась различными факторами, например, сменой внутри- или внешне-политической обстановки. К примеру, перед официальными визитами в СССР зарубежных лидеров из печати изымали карикатуры на них, снимали или смягчали критические оценки их деятельности. Это касалось преимущественно новостных, общественно-политических изданий или сатирических журналов, но в ряде случаев и научно-популярной литературы. Во второй половине 1960-х гг. в режиме «оперативных указаний» были оформлены положения: запрет на публикацию материалов об освоении Северного морского пути без доклада руководству Главлита и информации о том, что советские военнослужащие желают добровольцами воевать во Вьетнаме, а также обязательное согласование мемуаров военачальников в Главном политическом управлении Советской армии и др.²³

Несколько раз (30 апреля 1966 г., 19 апреля²⁴ и 20 июня 1968 г.)²⁵ запрещались какие-либо упоминания в печати о советских орбитальных ракетах (глобальных или системах частично орбитальной бомбардировки – вида стратегического вооружения, считавшегося очень перспективным в начале 1960-х гг.). Орбитальная ракета в отличие от обычной баллистической выводила боевой блок на околоземную орбиту, с которой осуществлялось наведение на цель, что, как предполагалось, позволяло преодолеть возмозные рубежи противоракетной обороны вероятного противника. В СССР работы по таким ракетам начались уже в начале 1960-х гг., причём их разработка и испытания не только не скрывались, а, наоборот, до определённого момента преподносились в популярной литературе и публичных выступлениях в качестве примера возросшей технической мощи вооружённых сил.

Основанием для запрета упоминания орбитальных ракет в открытых публикациях, вероятно, стали принятые в 1960-х гг. международные документы по демилитаризации космоса. Среди них был подписанный СССР, США и Великобританией в 1967 г. договор «О принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела» («Договор о космосе»). Статья IV этого документа запрещала выводить на орбиту объекты с ядерным оружием. Строго говоря, орбитальные ракеты размещались на земной поверхности и не являлись оружием космического базирования, но их наличие могло служить аргументом в антисоветской пропаганде. При этом запрет Главлита не касался термина «глобальная ракета», который продолжал использоваться в открытых изданиях.

²² Там же, д. 1289, л. 74, 77.

²³ Там же, д. 1283, л. 2.

²⁴ Там же, д. 1255, л. 65.

²⁵ Там же, д. 1283, л. 2, 5–6.

Можно назвать, по меньшей мере, одну позитивную черту советской научно-технической цензуры — она служила определённым барьером для паранаучных публикаций. 28 ноября 1967 г. в режиме «оперативных указаний» органам Главлита было запрещено без доклада его руководству печатать материалы по «неопознанным летающим объектам» (НЛО)²⁶. Уже в январе 1968 г. центральное цензурное ведомство «остановило» публикацию целой серии материалов по «летающим тарелкам». Среди них были не только журнальные статьи, но и сценарий телепередачи, а также аудиопьеса для журнала «Кругозор» (выходил в виде гибкой грампластинки)²⁷. А 26 февраля 1968 г. заместитель начальника Главлита А.Н. Охотников издал приказ, по которому связанную с НЛО информацию разрешалось печатать только после согласования с вице-президентом АН СССР Б.П. Константиновым²⁸.

Основания запретов и ограничений в научно-технической цензуре

В значительном количестве эпизодов цензуры исходили из соображений охраны государственной тайны, по крайней мере в том смысле, как она понималась в рассматриваемый период. Например, в августе 1968 г. общество «Знание» представило на контроль брошюру преподавателей Военной академии бронетанковых войск Л.И. Васильева и П.Д. Маслова «Танковая мощь Родины». Публикацию брошюры «остановили» — в ней приводились сведения о дислокации центров танковой промышленности как в период Великой Отечественной войны, так и в 1960-х гг.²⁹ В апреле 1968 г. по схожим основаниям запретили печатать работу И.И. Ануреева «Научно-технические достижения СССР и укрепление оборонной мощи Советского Союза», также представленную в Главлит обществом «Знание»³⁰.

В ряде случаев причиной запрета публикации могли стать содержащиеся в ней сведения о перспективных разработках, способных в будущем привести к значительным открытиям. По этой причине из вёрстки № 11 журнала «Наука и жизнь» за 1973 г. изъяли статью «Облучение взрывом», где сообщалось о создании сверхтвёрдого вещества «Чернобор». Так сработал ведомственный сегмент цензуры: запрету предшествовала консультация в Госкомитете Совета министров СССР по науке и технике³¹.

Не всегда наличие закрытых сведений приводило к их изъятию из работы или к её запрету. Иногда Главлит требовал публикации с грифом «дсп», как в случае с издательством «Наука», подготовившим сборник «Китай сегодня». В сборнике приводились данные о численности советских военных советников в Китайской Народной Республике в 1950-х гг., о подготовке китайских офицеров в военных училищах СССР, об объёмах его военной помощи в период Корейской войны³².

В мотивации цензорских решений также присутствовал политико-идеологический компонент, который проявлялся иногда весьма специфическим образом. К примеру, из открытой печати изымалась информация, которая могла дискредитировать СССР в международных отношениях или в глазах зарубежных партнёров, бросить тень на репутацию страны. Так, в 1972 г. Главлит не разрешил открыто публиковать брошюру «Девятую пятилетку Аэрофлота — досрочно» по причине наличия в ней служебных сведений об аварийности в гражданской авиации и о неблагоприятном состоянии дисциплины среди личного

²⁶ Там же, д. 1255, л. 76.

²⁷ Там же, д. 1300, л. 108–138.

²⁸ Там же, л. 107.

²⁹ Там же, д. 1303, л. 16.

³⁰ Там же, л. 17.

³¹ Там же, д. 1474, л. 5.

³² Там же, д. 1303, л. 17–18.

состава³³. В 1973 г. центральное цензурное ведомство задержало в ростовском книжном издательстве выход малотиражной книги С. Мацоты и В. Малишева «Высокая отдача». Авторы в популярной форме рассказали о Новочеркасском заводе синтетических продуктов и в качестве положительного примера привели контрафактное технологическое заимствование: выпускавшееся заводом моющее средство «Прогресс» оказалось аналогом средства «Типол» английской фирмы «Шелл» — технологи предприятия воспроизвели его по фирменному рекламному проспекту. Цензоры Главлита справедливо рассудили, что обнародование этих сведений может повлечь юридические претензии к Советскому Союзу, и потребовали внесения соответствующих изменений³⁴.

Установить, какая доля цензурских вмешательств определялась сохранением государственной тайны, а какая — соображениями политико-идеологического характера — вряд ли представляется возможным. В ряде случаев к изданиям со схожей тематикой подходили с разными требованиями.

Так, в 1968 г. на контроль в центральное цензурное ведомство поступили две книги, ставшие впоследствии настольными для любителей истории отечественной авиации. Одним из изданий был подготовленный В.Б. Шавровым справочник «История конструкций самолётов в СССР до 1938 г.». В Главлите получили его для оценки уже с положительными заключениями ведомственной цензуры в лице Министерства авиационной промышленности и Генерального штаба Вооружённых сил СССР³⁵. Но затем в центральном цензурном ведомстве проявили бдительность и направили справочник на «рассмотрение» в КГБ³⁶. В итоге 18 июня 1968 г. «чекисты» «не рекомендовали» его к открытой публикации: содержащиеся здесь сведения о советских авиапредприятиях могли «охарактеризовать развитие военного потенциала страны»³⁷. Главлит даже предложил опубликовать «Историю конструкций...» с грифом «дсп». К счастью, для широких кругов читателей в 1969 г. эту книгу с учётом замечаний цензуры и КГБ напечатало издательство «Машиностроение».

Если претензии цензуры к справочнику Шаврова действительно можно объяснить заботой о сохранении государственных секретов, то вторую книгу — советского писателя-популяризатора М.С. Арлазорова «Фронт идёт через КБ» (беллетризованную биографию авиаконструктора С.А. Лавочкина) — «задержали» из-за замечаний политико-идеологического характера (каких именно, из архивного документа не ясно). В результате издательство отозвало работу писателя³⁸, правда, в 1969 г. она всё-таки увидела свет.

В рассматриваемый период изменился тон советской цензуры в отношении критики культа личности и других негативных явлений советской истории, причём это делалось специально. Например, на совещании руководителей краевых и областных цензурных органов в марте 1968 г. начальник ленинградского обллита Арсеньев заявил: «Последнее время нас стали обвинять в том, что мы мешаем борьбе с культом личности. Дело в том, конечно, что мы мешаем в борьбе с культом, и в том, что под видом борьбы с культом некоторые писатели хотят очернить всё. Поэтому не следует бояться, когда в наш адрес бросают такие обвинения»³⁹. Впрочем, тогда руководство Главлита официально ещё призывало своих сотрудников к объективности. При завершении упомянутого совещания руководитель этого ведомства Романов структурировал своих подчинённых: «Что касается политико-идеологических замечаний, то никакого

³³ Там же, д. 1440, л. 4–5.

³⁴ Там же, д. 1474, л. 41–42.

³⁵ Там же, д. 1289, л. 96.

³⁶ Там же, д. 1263, л. 62.

³⁷ Там же, л. 63.

³⁸ Там же, д. 1289, л. 102.

³⁹ Там же, л. 31–32.

субъективизма и вкусовщины здесь быть не должно. Нужно докладывать только принципиальные вопросы и только в том случае, если вы можете бесспорно доказать свою точку зрения. Необходимо какие-то аргументы иметь в запасе. В партийных органах вас поймут, но нужно быть готовым к беседе с редактором, издателем, а иногда и автором»⁴⁰.

В большей степени запрет на критику культа личности коснулся, конечно же, художественной литературы и исторической публицистики. В 1967 г. по причине излишнего внимания к негативным моментам предвоенной истории резкой критике подверглась книга А.М. Некрича «22 июня 1941 года», изданная в 1965 г. в научно-популярной серии АН СССР. В итоге 18 августа 1967 г. вышел приказ Главлита № 8 «дсп» об изъятии этого произведения из библиотек и книготорговой сети⁴¹. В последующие годы такая тенденция распространилась на местные малотиражные издания. Например, в 1972 г. свердловская областная организация общества «Знание» тиражом в 500 экз. издала книгу Н.И. Эполетова «Коммунисты – организаторы и вдохновители подготовки боевых резервов на Урале (1941–1943 гг.)». На шестой странице автор указал, что центральное партийное руководство располагало сведениями о подготовке немецкого нападения, но не сделало соответствующих выводов. По настоянию органов цензуры и Свердловского обкома партии тираж «задержали», а данную страницу перепечатали⁴². Политико-идеологический поворот в критике культа личности и необоснованных репрессий коснулся также историко-технической литературы, прежде всего беллетризованных биографий советских учёных и конструкторов.

В 1973 г. известный журналист-популяризатор Я.К. Голованов представил биографию С.П. Королёва, подготовленную для серии «Жизнь замечательных людей». В книге приводился эпизод, связанный с арестом в 1930-х гг. большой группы авиаконструкторов и их работой в специальных конструкторских бюро под присмотром органов госбезопасности. По настоянию цензуры редакция устранила данные фрагменты⁴³. В итоге в опубликованном варианте биография главного конструктора завершалась серединой 1930-х гг. и была выпущена вне рамок вышеназванной серии. Редакция сопроводила это издание подзаголовком «Книга первая», видимо, рассчитывая впоследствии преодолеть цензурный контроль и опубликовать изъятые главы⁴⁴. Но потребовалось более полутора десятилетий, чтобы Голованов смог напечатать собранный им материал о трагическом периоде жизни Королёва.

Наиболее полно идеологическая составляющая цензуры проявилась при контроле научной и технической популярной литературы, поступавшей в СССР из западных стран. Например, в 1973 г. редактор Главлита, работая с этими изданиями, присылавшимися в Ленинскую библиотеку, совершила грубую ошибку – допустила в открытый фонд западногерманскую брошюру, посвящённую истории советских танков. Согласно отчёту, молодая и неопытная сотрудница недооценила политического значения одной из помещённых в брошюре фотографий⁴⁵. Из документа сложно понять, о какой книге идёт речь. Но существует только одно издание аналогичного содержания, которое было опубликовано в Мюнхене в 1970 г.⁴⁶ Здесь практически все иллюстрации и подписи к ним носят технический характер, за исключением снимка, запе-

⁴⁰ Там же, л. 57–58.

⁴¹ Там же, оп. 2, д. 459, л. 77.

⁴² Там же, оп. 1, д. 1440, л. 50.

⁴³ Там же, д. 1474, л. 119.

⁴⁴ Голованов Я.К. Королёв. М., 1973.

⁴⁵ ГА РФ, ф. Р-9425, оп. 1, д. 1474, л. 210.

⁴⁶ Der sowjetische mittlere Kampfpanzer der Baureihe T-34 bis T-62. München, 1970.

чатлевшего, как жители Праги забрасывают камнями советский танк во время событий августа 1968 г.

Советская космическая программа через призму Главлита

Космическая тема была наиболее выигрышной для советской научно-технической пропаганды 1960-х гг. Приоритет Советского Союза в деле освоения космоса позволял наглядно показать преимущества отечественной промышленности и достижения советских технических наук. При контроле материалов по космосу Главлит зачастую руководствовался именно соображениями политико-идеологического плана. Так, в апрельский номер журнала «Техника — молодёжи» за 1967 г. (приуроченный к Дню космонавтики, к тому же вышедший в «год Великого юбилея» — 50-летия Октябрьской революции) была завёрстана статья о ручной стыковке в космосе, выполненной экипажем американского корабля «Джеминай» (справедливости ради, следует заметить, что у американцев действительно был приоритет в осуществлении первой ручной стыковки на орбите). По настоянию Главлита данный материал сняли, а вместо него поместили статью о советских космических достижениях⁴⁷.

Примечательно, что цензура вмешивалась в издательский процесс, невзирая на положение и статус авторов. В 1970 г. «остановили» публикацию брошюры советского конструктора ракетных двигателей академика В.П. Глушко «Путь в ракетной технике», несмотря на то, что по неофициальной «табели о рангах» ракетно-космической отрасли он был «№ 2» после Королёва. Формальным поводом к запрету книги стало отсутствие разрешительных виз заинтересованных министерств⁴⁸.

Также объектами цензурского контроля являлись высказывания советских космонавтов. Например, в 1967 г. латвийский комитет по телевидению и радиовещанию представил на контроль сценарий радиопередачи «Необычная пресс-конференция», подготовленной в форме свободной беседы граждан с лётчиком-космонавтом П.И. Беляевым на набережной Невы. Но главный военный цензор Генерального штаба М.А. Козлов счёл нецелесообразным выход данного интервью. Дело в том, что Беляев озвучил факт катапультирования Ю.А. Гагарина из спускаемого аппарата, противоречивший официальной версии приземления первого космонавта⁴⁹. И хотя катапультирование предусматривалось штатной схемой посадки кораблей типа «Восток», в СССР данное обстоятельство некоторое время скрывали. Это было связано с тем, что полёт «Востока-1» претендовал на установление международного авиационно-космического рекорда, а правила Международной авиационной федерации предусматривали нахождение пилота в кабине до момента касания поверхности.

Также цензура старалась убрать все упоминания о том, что в советской космической программе присутствовала военная составляющая. Причём, это стремление приобретало гипертрофированный характер — запрещалось даже намекать, что запуск космических кораблей и обеспечение полётов осуществлялись подразделениями Министерства обороны СССР. В апреле 1973 г. в газете «Вечерний Челябинск» так и не напечатали статью Г. Эйзеля о полёте Гагарина «В тот памятный день», так как в ней говорилось об участии военных в запуске космического корабля и слежении за ним⁵⁰.

Важным признаком советской научно-технической пропаганды был запрет на упоминание планов исследований и запусков, дабы в случае невыполнения не пострадала репутация страны и заинтересованных отраслей.

⁴⁷ ГА РФ, ф. Р-9425, оп. 1, д. 1257, л. 14–15.

⁴⁸ Там же, д. 1372, л. 4–5.

⁴⁹ Там же, д. 1298, л. 29; д. 1283, л. 32.

⁵⁰ Там же, д. 1469, л. 14–15.

Во второй половине 1960-х гг. такая ситуация сложилась с программой изучения Луны. В тот период подготовка пилотируемого полёта на естественный спутник Земли рассматривалась как передовой рубеж соревнования двух систем — социалистической и капиталистической. В публицистике и популярной литературе высказывалось мнение о существовании в системе цензуры во второй половине 1960-х гг. официального запрета на упоминание о проводившихся в СССР работах по пилотируемой лунной экспедиции. Например, об этом писал журналист-популяризатор Л.В. Владимиров. Он работал в редакции журнала «Знание — сила», в 1966 г. попросил политического убежища в Англии, а в начале 1970-х гг. в Лондоне была напечатана его книга «Советский космический блеф». Между тем сама система научно-технической цензуры совершенно не требовала оформления такого запрета. С этой задачей прекрасно справлялась ведомственная цензура, так как все материалы по космосу визировались в АН СССР, а в ряде случаев — в Управлении военной цензуры Генерального штаба Вооружённых сил СССР. Так, на заседании руководства Главлита 26 марта 1968 г. его начальник Романов озвучил мнение «товарища Лебедева» (от имени Академии наук он визировал материалы по космической тематике) о том, что к сведениям, касавшимся полётов на Луну, следует подходить крайне осторожно⁵¹.

В этой части ведомственная цензура работала чётко. 26 января 1967 г. ТАСС подготовил информацию «Итоги эксперимента “Луна-13”», где приводились ответы космонавта А.А. Леонова на вопросы москвичей. Среди прочего он сказал, что пилотируемый облёт Луны должен состояться до 1970 г. и к нему почти всё готово, за исключением решения двух проблем. По поводу этой информации Главлит обратился за консультацией в АН СССР. Полученное в ответ отрицательное заключение сделало данную публикацию невозможной⁵².

10 января 1968 г. на вопрос радиослушателей о подготовке полёта советского космонавта на Луну радиокomiteeт подготовил ответ, сформулированный астрономом В. Шевченко. Архивные материалы не позволяют сделать вывод о содержании данного материала, но в АН СССР вновь отказались дать положительное заключение⁵³. В марте 1968 г. Академия наук воспрепятствовала выходу в эфир радиопередачи «Встреча с советскими космонавтами», где была представлена беседа венгерских журналистов с А.А. Леоновым, П.И. Беляевым и В.Ф. Быковским. Причиной запрета опять стала озвученная Беляевым информация о подготовке космонавтов к полёту на Луну⁵⁴.

Даже состоявшаяся в зарубежной прессе публикация не давала гарантии на её прохождение в советских изданиях. Так, в январе 1968 г. ростовская областная газета «Комсомолец» обратилась в органы цензуры за разрешением опубликовать перевод репортажа-интервью «Один день с Павлом Беляевым», ранее напечатанного в восточногерманской газете «Фрайте Вельт». В свою очередь Главлит попросил дать по этому поводу ответ главного военного цензора Генерального штаба Козлова, но, как оказалось, тот не мог самостоятельно принять решение без соответствующего согласования в Комиссии по исследованию космического пространства⁵⁵.

В заключение отмечу, что всеобъемлющий характер цензуры был связан среди прочего и с морально-политической атмосферой советского общества. Культивировавшиеся на протяжении нескольких десятилетий шпиономания и подозрительность, навязываемый официальной пропагандой образ страны как осаждённой крепости привели к тому, что цензурные запреты и ограничения

⁵¹ Там же, д. 1289, л. 69.

⁵² Там же, д. 1268, л. 132.

⁵³ Там же, д. 1303, л. 54–55.

⁵⁴ Там же, л. 55–56.

⁵⁵ Там же, д. 1298, л. 43–44.

воспринимались как нечто само собой разумеющееся, а участие в процессе контроля представлялось, скорее, как привилегия, нежели повинность. В своё время Горяева писала о «цензурном треугольнике», включавшем ЦК КПСС, КГБ и Главлит⁵⁶. Именно данный ведомственный треугольник и определял цензурную политику в стране. В сфере контроля за научно-популярной публицистикой ситуация была ещё сложнее. В неё, так или иначе, вовлекалось огромное количество министерств и ведомств, официально не относившихся к цензурным органам. Во второй половине 1960-х — начале 1970-х гг. советская партийно-государственная цензура имела глобальный характер. Причастность к ней проявлялась в редакторской самоцензуре и подготовке экспертных заключений по конкретным публикациям. Так же, как и в политической цензуре, ведущую роль играли указания партийных органов.

На рубеже 1960–1970-х гг. Главлит вступил в пору расцвета, что проявилось в работе его высококвалифицированного кадрового состава по контролю огромного массива информации в печати, на радио и телевидении. Это особенно заметно в материалах, посвящённых цензуре специфических научно-технических и научно-популярных текстов. При этом деятельность Главлита не была лишена определённого аппаратного демократизма. Составление «Перечня Главлита» и принятие решений по конкретным публикациям происходили с учётом мнения заинтересованных ведомств, о чём свидетельствует обширная деловая переписка.

Вместе с тем цензура научно-популярной публицистики обладала рядом особенностей. Прежде всего при контроле учитывалась необходимость сохранения государственной тайны в том виде, как это понималось в рассматриваемый период. Но следует учитывать, что чёткой границы между политико-идеологическими замечаниями и государственной тайной в то время не прослеживалось. Очень часто под видом гостайны оформлялись политико-идеологические претензии. Кроме того, закрытый характер цензуры позволял вводить неформальные критерии оценки контролируемых изданий, например, «оперативные указания по цензорскому контролю». Многоуровневый характер научно-технической цензуры мог в некоторых случаях привести к путанице и неразберихе, сопровождавшихся перепиской между заинтересованными ведомствами. Несмотря на постоянное совершенствование методов контроля, количество «утечек» секретных сведений в СМИ («перечневых нарушений», по терминологии Главлита) постоянно росло. В условиях роста числа газет и журналов, развития радио и телевидения методы традиционной цензуры уже не решали поставленных перед ней задач. Также следует опровергнуть бытующий в популярной и мемуарной литературе миф о том, что в СССР существовали виды публикаций, позволявшие обходить цензурные запреты. Среди таких обычно называют научную фантастику и научно-популярную литературу. Однако «зон, свободных от цензуры», в стране не было. Контролирующие органы вполне профессионально учитывали особенности научно-популярной литературы и пресекали попытки публикации сведений, сомнительных, с точки зрения господствовавшей идеологии.

⁵⁶ Горяева Т.М. Политическая цензура... С. 329, 349.